

УДК 902.2

В.И. Молодин^{1, 2}, Л.Н. Мыльникова^{1, 2}, Ю.Н. Гаркуша¹, Д.В. Селин²¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; L.mylnikova@yandex.ru; yunga1971@ngs.ru

²Новосибирский государственный университет

ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: selin@epage.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПАМЯТНИК ГРИШКИНА ЗАИМКА, БАРАБА)*

В работе представлены результаты исследования погребений и артефактов эпохи поздней бронзы из могильника Гришкина Заимка (Западная Сибирь). Дана их культурная и хронологическая атрибуция как восточного варианта пахомовской культуры. На основании морфологического анализа сосудов прослежено сосуществование носителей двух гончарных традиций в рамках одного региона. Установлено, что рассматриваемый комплекс маркирует начальный этап проникновения в Барабинскую лесостепь пахомовского населения и начало его смешения с автохтонными культурными группами.

Ключевые слова: археология, погребальный обряд, восточный вариант пахомовской культуры, эпоха поздней бронзы, культурные взаимодействия, морфологический анализ керамических сосудов, Барабинская лесостепь.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.047–060

Введение

Памятник Гришкина Заимка находится в Усть-Таркском р-не (на границе с Венгеровским р-ном) Новосибирской обл. в 8 км к востоку от с. Верхнеомка (рис. 1). В этом месте река образовала две отчетливо выраженные надпойменные террасы. Вторая терраса, на которой расположен археологический объект, представляет собой 7-метровый уступ, доминирующий над первой террасой и поймой р. Оми. Северная и северо-западная части археологического комплекса залесены, западная – подвергалась интенсивной распахке, что стало причиной повреждения насыпей нескольких курганов. На территории памятника размещались строения русского хутора Гришкина заимка. В настоящее время постройки не существуют, однако их отчетливые следы сохранились.

*Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Памятник открыт В.И. Молодиным в 2000 г. Тогда же развернулись первые раскопки с целью культурно-хронологической атрибуции объекта. В 2002 г. на памятнике проводилась геофизическая съемка, результаты которой позволили вести успешный поиск хозяйственных и погребальных археологических объектов. Исследование памятника проводилось путем вскрытия отложений на сплошной территории, включавшей не только участки с выраженными земляными конструкциями, но и межкурганное пространство, что помогало выявить грунтовые погребения и сопутствующие объекты (ямы). К 2003 г. площадь раскопа составила 1 684 м² (рис. 2). Было установлено, что на исследованной площади памятника имеется несколько разновременных комплексов: 12 погребений эпохи ранней и развитой, а также 7 – поздней бронзы, 14 захоронений раннего железного века, 2 – позднего Средневековья и этнографические сооружения XX в. Культурно-хронологическая принадлежность еще двух захоронений пока не выяснена.

Рис. 1. Могильники восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи.

1 – Гришкина Заимка; 2 – Старый Сад; 3 – Тартас-1; 4 – Преображенка-3.

Настоящая работа посвящена анализу погребальных комплексов позднего периода бронзового века.

За последнее десятилетие накоплено немало материалов памятников пахомовской культуры в Левобережном Прииртышье [Корочкова, 2009, 2010; Костомаров, 2010]. Они представлены преимущественно поселенческими комплексами. Могильники изучены значительно слабее. Серия пахомовских памятников отмечена и в лесостепной части Правобережного Прииртышья [Молодин, 2014, рис. 4, 5]. Здесь в отличие от Ишимо-Иртышья больше довольно представительных погребальных и ритуальных комплексов носителей данной культуры. Находки из этих объектов, имеющие культурную, антропологическую и генетическую специфику, выделяются на фоне автохтонных для данной территории ирменских материалов [Молодин, Нескоров, 1992; Молодин, Чикишева, 1988; Чикишева, 2012; Молодин и др., 2012]. Комплекс пахомовской культуры, выявленный на памятнике Гришкина Заимка, имеет большое значение для изучения восточного варианта пахомовской культуры и уточнения ее хронологических рамок.

Анализ источников

К эпохе поздней бронзы относятся две курганные насыпи – № 3 и 4 (рис. 3). Фрагменты керамики пахомовской культуры, находившиеся за пределами погребальных комплексов, свидетельствуют, вероятно, о том, что ранее могильник этого времени включал

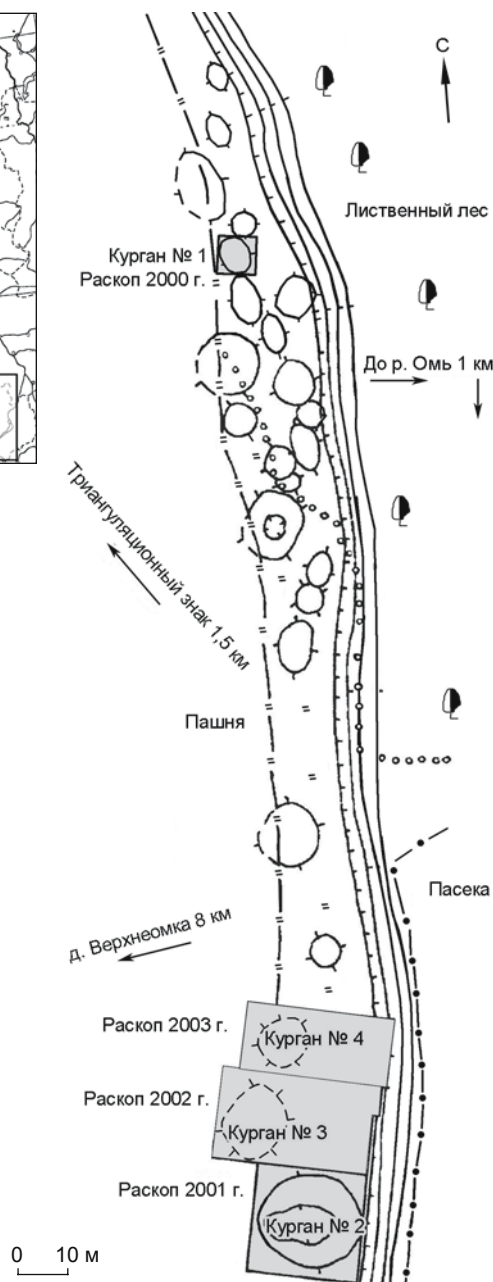

Рис. 2. Общий план памятника Гришкина Заимка. Серым цветом выделены исследованные участки.

больше захоронений; некоторые из них пострадали при сооружении поздних погребений и функционировании самой заимки.

Курган № 3 представлял собой пологую, аморфную в плане насыпь с уплощенной вершиной высотой ок. 0,6 м, диаметром 11–13 м (рис. 3, 4). Как показали исследования, первоначально на этом месте была погребальная конструкция эпохи поздней бронзы с одиночным захоронением, окантованным кольцевидным разомкнутым рвом (рис. 5). Затем, в эпоху раннего

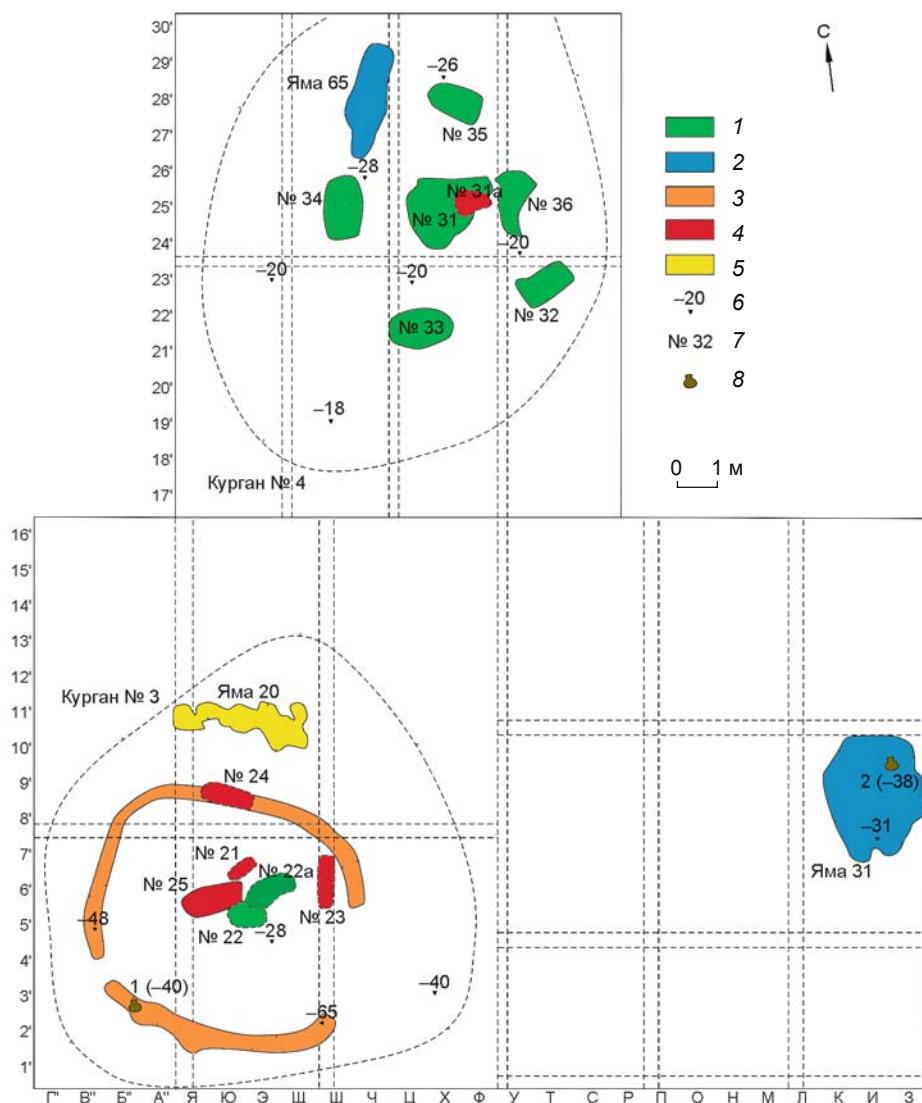

Рис. 3. Фрагмент плана раскопов с объектами разных периодов на могильнике Гришкина Заимка.
 1 – погребения эпохи поздней бронзы; 2 – ямы; 3 – ров; 4 – погребения раннего железного века; 5 – остатки строений русской заимки; 6 – нивелировочные отметки; 7 – номера погребений; 8 – керамические сосуды, находившиеся вне погребений.

Рис. 4. Курган № 3 после снятия земляной конструкции.

Рис. 5. Курган № 3 после выборки
рва и могильной ямы.

Рис. 6. Сосуд пахомовской культуры
на дне рва кург. № 3.

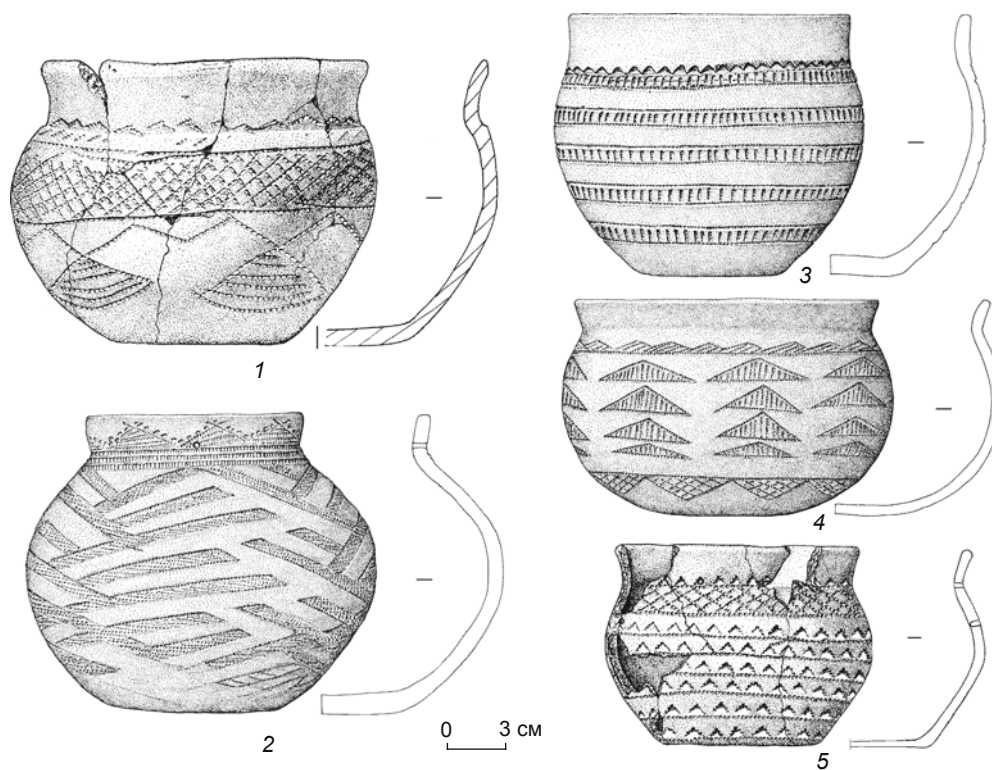

Рис. 7. Керамические сосуды.

1 – кург. № 3, ров; 2 – кург. № 4, погр. № 32; 3 – кург. № 4, погр. № 34; 4 – кург. № 4, погр. № 31; 5 – яма 31.

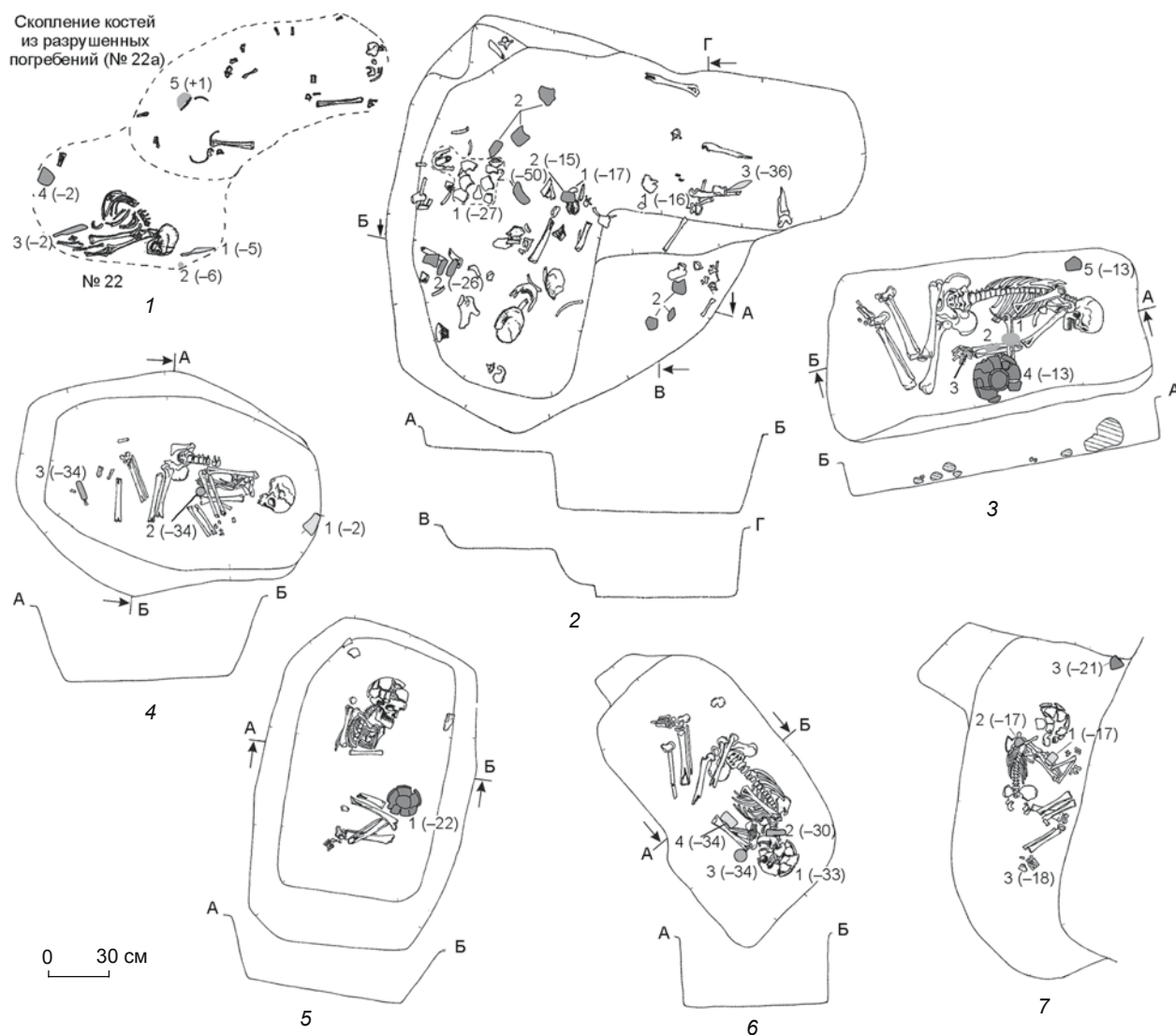

Рис. 8. Планы исследованных захоронений восточного варианта пахомовской культуры.

1 – погр. № 22: 1 – костяной наконечник стрелы; 2 – бронзовая бляшка; 3 – бронзовый нож; 4 – фрагмент бронзовой серьги; 5 – фрагмент бронзовой серьги; 2 – погр. № 31: 1 – части черепа; 2 – фрагмент керамики; 3 – костяной наконечник стрелы; 3 – погр. № 32: 1 – бронзовая бляшка; 2, 3 – фрагменты бронзовых изделий; 4 – керамический сосуд; 5 – фрагмент керамики; 4 – погр. № 33: 1 – фаланга жеребенка; 2 – бронзовая бляшка; 3 – бронзовая пластина; 5 – погр. № 34: 1 – керамический сосуд; 6 – погр. № 35: 1, 3 – бронзовые бляшки, 2 – бронзовая серьга; 4 – фаланга жеребенка; 7 – погр. № 36: 1 – фаланга жеребенка; 2 – бронзовая бляшка; 3 – фрагменты керамики.

железного века, насыпь была досыпана. При ее разборе обнаружены единичные мелкие фрагменты разновременной керамики и разрозненные кости животных. Под насыпью кургана найдены погр. № 21, 23, 24*, датируемые ранним железным веком. К этому же времени относится и центральное погр. № 25, нарушившее погребение эпохи поздней бронзы № 22 (см. рис. 3). Установлено, что погр. № 24 перерезало ров, принадлежавший комплексу эпохи поздней

бронзы. Ров обрамлял округлую площадку диаметром 6–7 м и имел две перемычки (в юго-восточной и юго-западной частях) шириной 3,2 и 0,7 м (см. рис. 3–5). Ширина рва колебалась от 0,3 до 0,5 м, а на некоторых участках юго-западного сектора достигала 0,8 м. Глубина его от уровня материка составляла 0,16–0,27 м. В юго-западной части на дне рва стоял орнаментированный сосуд, относящийся к комплексу эпохи поздней бронзы (см. рис. 3; 6; 7, 1). Подобный горшок был обнаружен в яме 31, расположенной к востоку от кург. № 3 (см. рис. 3; 7, 5). Очевидно, сосуд попал в более позднюю яму в результате разрушения погребального комплекса пахомовской культуры.

*Нумерация могил на памятнике сквозная, соответствует последовательности обнаружения погребальных комплексов.

Рис. 9. Погребение № 22.

В центре сакрального пространства кург. № 3, ограниченного рвом, находилось погр. № 22 (рис. 8, 1; 9). Захоронение совершено в неглубокой могильной яме, фактически на погребенной почве, что не позволя-

ет судить ни о форме, ни о размерах могилы. Представлена только верхняя часть скелета, однако можно установить, что похоронен мужчина 18–20 лет. Умерший был погребен на левом боку, головой на юго-восток, со сложенными вместе и вытянутыми вдоль туловища руками. В изголовье находились костяной наконечник стрелы (рис. 10, 14) и плохо сохранившаяся бронзовая неорнаментированная полусферическая бляшка, вдоль костей рук – бронзовый обломанный у черенка нож (рис. 10, 5) и фрагмент бронзовой серьги (рис. 10, 8).

В непосредственной близости от погребения на уровне погребенной почвы и выше прослежено скопление разрозненных костей человека. Скорее всего, это остатки скелета мужчины из погр. № 22, а также кости ребенка из более позднего погр. № 25. Единственная вещь, обнаруженная в этом скоплении, – фрагмент бронзовой проволоочной серьги.

Кург. № 4 находился в 6 м к северу от кург. № 3 (см. рис. 3). Он выделялся пологой аморфной в плане насыпью диаметром 11–12 м с уплощенной вершиной и высотой ок. 0,5 м от уровня современной поверхности. При разборе насыпи фиксировались мелкие единичные фрагменты разновременной керамики – эпохи железа, позднего Средневековья и Нового времени, а также обломки кирпичей и обмазки, обломки костей животных. Из находок, относящихся к эпохе поздней бронзы, следует отметить фрагмент горловины сосуда, костяной наконечник стрелы и фрагмент глиняного из-

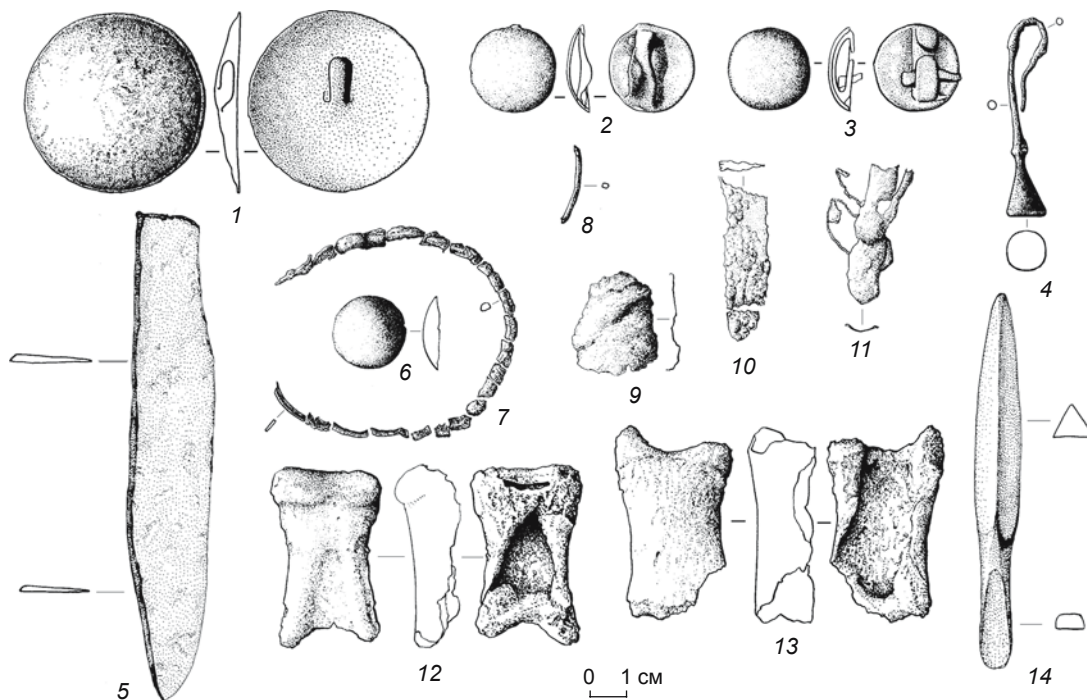

Рис. 10. Изделия из погр. № 22 (5, 8, 14), 32 (1, 7), 33 (2, 10, 11, 13), 35 (3, 4, 6, 12), 36 (9).

1–10 – бронза; 11 – кожа; 12–14 – кость.

деляя – возможно, цилиндрического грузила. Под насыпью кургана были выявлены шесть погребений и яма, принадлежащие эпохе поздней бронзы. Могилы расположены по периметру насыпи, вокруг центрального захоронения № 31 (рис. 11).

Погребение № 31 фиксировалось как пятно аморфных очертаний размерами $2,0 \times 1,8$ м (см. рис. 8, 2). В ходе выборки заполнения удалось установить, что погребальная камера была перерезана грабительской ямой. Кроме этого, захоронение оказалось нарушенным впускным захоронением раннего железного века (№ 31А). Изначально могила эпохи бронзы имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток. Разрозненные кости скелета мужчины 25–30 лет залегали хаотично; первоначальное положение погребенного определить невозможно. В могиле обнаружен развал сосуда эпохи поздней бронзы (см. рис. 7, 4).

Погребение № 32 совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной по линии восток – запад (см. рис. 8, 3). Ее размеры $1,65 \times 0,8 \times 0,2$ – $0,22$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. Погребена женщина 40–45 лет. Умершая похоронена в скорченном положении на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. При погребении левая рука была вытянута вдоль корпуса, правая – согнута в локте и положена на левую руку. С кистью правой руки соприкасался сосуд (см. рис. 7, 2). Под правой локтевой костью обнаружена бронзовая выпуклая неорнаментированная бляха со шпеньком (см. рис. 10, 1; 12). Под бляхой, в окислах, сохранился небольшой фрагмент кожного изделия. Под левой локтевой костью находились фрагменты плохо сохранившегося бронзового браслета (см. рис. 10, 7). Среди фаланг левой кисти зафиксировано скопление разрозненных бронзовых слабоизогнутых стержней; возможно, это остатки еще одного браслета или нескольких бронзовых колец малого диаметра. В изголовье, близ северо-западной стенки, обнаружен фрагмент еще одного сосуда.

Погребение № 33 совершено в яме, по форме близкой к овальной и ориентированной по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад (см. рис. 8, 4; 13). На уровне материка ее размеры составляют $1,55 \times 0,6$ – $1,15 \times 0,32$ – $0,34$ м. Ко дну погребальная камера равномерно сужается и достигает размеров $1,4 \times 0,5$ – $0,85$ м. Дно могилы ровное, стенки покатые. За-

Рис. 11. Курган № 4 после разборки земляного сооружения.

хоронен ребенок 10–14 лет. Он погребен в скорченном положении на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, согнутыми в локтях и вытянутыми перед телом руками, головой на юго-восток. В районе правой локтевой кости располагалась бронзовая бляшка с петлей (см. рис. 10, 2). Под ней зафиксированы мелкие фрагменты кожного изделия. В юго-западном углу могильной ямы найдены узкая бронзовая пластинка

Рис. 12. Деталь погр. № 32.

Рис. 13. Погребение № 33.

(см. рис. 10, 10) и небольшой фрагмент кожного изделия с обрывками нитей (см. рис. 10, 11). Близ юго-восточной стенки находилась фаланга жеребенка (см. рис. 10, 13).

Погребение № 34 совершено в прямоугольной яме, ориентированной по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад (см. рис. 8, 5; 14). На уровне материка ее размеры составляют $1,65 \times 1,05 \times 0,25\text{--}0,27$ м. Ко дну погребальная камера равномерно сужается и достигает размеров $1,3 \times 0,77$ м. Дно могилы ровное, стенки покатые. Скелет не имел костей таза, хотя остальные кости лежали в анатомическом порядке. Ребенок 5–9 лет был погребен в скорченном положении на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой ориентирован на северо-северо-восток. В районе колен был установлен керамический сосуд (см. рис. 7, 3). В разных частях и на разных уровнях погребальной камеры фиксировался древесный тлен, что позволяет предполагать наличие перекрытия. По структуре волокон, там, где это было возможно, удалось установить, что оно лежало вдоль погребения. Следы перекрытия найдены в погребениях могильников Еловка II [Матющенко, 2004, с. 334] и Старый Сад [Молодин и др., 2014, с. 33], близких по времени андроновидных комплексов Западной Сибири.

Погребение № 35 совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии юго-восток –

Рис. 14. Погребение № 34.

Рис. 15. Погребение № 35.

северо-запад (см. рис. 8, 6; 15). Ее размеры $1,5 \times 0,75-0,85 \times 0,32-0,36$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. Ребенок 8–12 лет был захоронен на левом боку, с согнутыми в коленях и подтянутыми к корпусу ногами. Его руки согнуты в локтях и соединены под подбородком кистями. Погребенный ориентирован головой на юго-восток. Под черепом обнаружена бронзовая бляшка (см. рис. 10, 6), а в ее окислах – небольшой фрагмент кожного изделия. На шейных позвонках с правой стороны находилась бронзовая серьга (см. рис. 10, 4). Еще одна бляшка с петлей для крепления и продетым сквозь нее шпеньком обнаружена около верхнего окончания левой плечевой кости (см. рис. 10, 3). У локтевого сустава левой руки располагалась фаланга жеребенка (см. рис. 10, 12).

Погребение № 36 частично нарушено хозяйственной ямой, относящейся ко времени функционирования заимки (см. рис. 8, 7). Восточная стенка погребальной камеры была потревожена, но скелет оказался нетронутым. Захоронение совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии север – юг. Ее размеры $1,7 \times 0,7 \times 0,14$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. В северо-западной части погребальной камеры фиксируется небольшой подбой, возвышающийся над дном захоронения на 0,05 м. Ребенок 4–8 лет был погребен на левом боку, с согнутыми в коленях и подтянутыми к туловищу ногами, согнутыми в локтях и вытянутыми вперед руками, ориентирован головой на север. На левой локтевой кости находилась фаланга жеребенка. В правой верхней части грудного отдела обнаружена бронзовая пластина аморфной формы (см. рис. 10, 9). На внутренней стороне левой ключицы имелись следы окислов несохранившегося бронзового предмета. У северо-восточной стенки и в ногах погребенного отмечены практически не сохранившиеся фрагменты керамического сосуда. В разных местах могилы на глубине 0,14–0,15 м находилась древесная труха, возможно остатки перекрытия.

Под насыпью кургана была обнаружена яма 65 (см. рис. 3). Она вытянутой по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад овальной формы, размерами $3,4 \times 0,6-0,8$ м, в средней части расширяется до 1,1 м, глубиной 0,08–0,14 м. В ней не оказалось остатков захоронения; в верхней части заполнения найдены фрагменты пахомовской керамики, позволяющие уверенно связывать яму с описанными выше погребениями и считать ее частью единого погребального комплекса. Яма, вероятно, несла какую-то ритуальную нагрузку.

Изучаемый погребальный комплекс, несмотря на сравнительно небольшую выборку (два кургана и семь захоронений), позволяет сделать выводы о его специфике. Можно констатировать, что и взрослых, и детей, относившихся, судя по сходству посуды в погребениях, к пахомовской культурной группе, хоронили

на одном кладбище и сооружали над могилами курганы. Представить их первоначальные форму и размеры трудно ввиду того, что эти сооружения постоянно испытывали антропогенное воздействие. Ясно одно, что по высоте они были сравнительно небольшие. Очевиден дифференцированный подход к захоронению умерших. В одном случае надмогильную конструкцию (кург. № 3) устроили для одного мужчины, вокруг могилы прорыли ров и поместили в него сосуд. Под соседним кург. № 4 были захоронены шесть человек – взрослые мужчина и женщина, а также четверо детей, пол которых не установлен. Захоронения расположены по кругу, в центре которого – погребение взрослого мужчины (№ 31). Это позволяет считать их объектами одной конструкции и предположить родственную связь между погребенными. Погребальные камеры, размеры которых определялись ростом умерших, сходны по форме и конструкции. Они похожи и по глубине, которая не так велика, как у могил носителей андроновской (федоровской) культуры в данном регионе (см., напр.: [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002], но больше, чем у захоронений представителей ирменской культуры [Молодин, 1985, с. 131–135], синхронной анализируемому могильнику.

Устойчивые признаки погребальной практики популяции, которую представляет памятник Гришкина Заимка, – помещение умерших в могиле на левом боку в скорченном положении (черта, типичная для целой свиты культур развитого и позднего этапов бронзового века Евразии), неустойчивая ориентация как погребальных камер, так и захороненных в них умерших. Характерными чертами являются дифференциация могил по погребальному инвентарю и помещение не во все захоронения сосудов, хотя последние явно использовались в других эпизодах погребальной практики.

Выше отмечалось, что в западном ареале пахомовской культуры известно немного погребальных комплексов [Корочкова, 2009, с. 80–81]. Это по большей части немногочисленные полуразрушенные погребения. Особенностью пахомовских погребальных комплексов, по мнению О.Н. Корочковой, является вторичный способ захоронения [Там же, с. 80], однако это не характерно для Гришкиной Заимки. По-видимому, справедливым следует считать вывод О.Н. Корочковой о том, что «приоритетными для носителей пахомовской культуры стали местные традиции погребальной практики» [Там же, с. 81]. Действительно, в анализируемых захоронениях могильника Гришкина Заимка отчетливо проявляются ирменские и андроновские (федоровские) элементы обрядовой погребальной практики.

С учетом наблюдений О.Н. Корочковой в погребальной практике пахомовского населения Тоболо-Иртышья можно выделить черты сходства с традициями, характерными для восточного варианта указанной

культуры, которые представлены, в частности, на могильнике Гришкина Заимка. Одна из таких черт – наличие земляных надмогильных сооружений [Корочкова, 2010, с. 69; Матвеева, Костомаров, 2009, с. 21]. На р. Ишим на Абатском-1 могильнике удалось выявить разрушенную квадратную канавку, ограждавшую захоронение [Корочкова, 2010, с. 36, 68]. Сходство проявляется и в том, что в пахомовских захоронениях достаточно редко представлена посуда [Там же, с. 69]. Однако накопленные к настоящему времени материалы памятников пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье и могильника Гришкина Заимка в погребальной практике демонстрируют больше различий, чем сходств.

Ближайшие аналоги материалам Гришкиной Заимки имеются на могильнике Старый Сад (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). Ранее материалы этого памятника позволили предположить существование в Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы особой культурной группы [Молодин, Нескоров, 1992, с. 95; Молодин, Мыльникова, Нескоров, 2011, с. 197], памятники которой были названы восточным вариантом пахомовской культуры. Особенностью могильника Старый Сад является вариативность способов организации сакрального пространства. Классификации такой организации, разработанной по материалам этого некрополя [Молодин и др., 2014, с. 33], полностью соответствуют погребальные комплексы памятника Гришкина Заимка. Сходство последних с комплексами Старого Сада проявляется в устройстве погребального пространства и могильной ямы, положении умершего в могиле, составе и размещении инвентаря. При этом на Гришкиной Заимке отмечается многочисленность погребенных под одной земляной конструкцией (6 чел., кург. № 4). На могильнике Старый Сад не обнаружено погребений, в которых захоронено более 3 чел. под одной насыпью [Там же, с. 42–43]. Чертой, определяющей своеобразие Гришкиной Заимки, является разная ориентация погребенных – на восток, юго-восток, север, юг; подобное не зафиксировано на могильнике Старый Сад [Там же, с. 31]. Отмеченная вариативность на памятнике Старый Сад несравненно больше, чем на Гришкиной Заимке. Специфика инвентаря и керамики позволила отнести памятник Старый Сад к переходному периоду от бронзового к железному веку, т.е. ко второй половине X – VIII в. до н.э. [Молодин и др., 2011, 2014].

На основе характеристики погребального комплекса Гришкина Заимка можно сделать вывод о его культурной и хронологической принадлежности. Для этого прежде всего необходимо обратиться к анализу небольшого по количеству, но яркого керамического комплекса могильника Гришкина Заимка (см. рис. 7). Коллекция керамики состоит из фрагментов и пяти полных форм. Сосуды горшковидной формы украше-

ны орнаментами в виде треугольников и опоясывающих прямоугольников, заполненных оттисками гребенчатого штампа, а также меандрами.

Морфологический анализ изделий проведен с использованием программы статистического изучения керамики, разработанной В.Ф. Генингом [1973], методов выявления общей пропорциональности сосудов А.А. Бобринского и Ю.Б. Цетлина [Актуальные проблемы..., 1999; Бобринский, 1986, 1988; Цетлин, 2012, с. 160–164] и графической корреляции полупрофилей и «скелетов» сосудов [Nordström, 1972; Мыльникова, 2014]. В ходе исследования по программе В.Ф. Генинга было установлено, что сосуды преимущественно низкие и средние, все очень низкорослые. По показателю ширины горла емкости делятся на средне- и широкогорлые. Горловины как с наклоном внутрь, так и сильно- и очень сильнопрофилированные. У всех сосудов тулово приплюснутое, плечики средние и высокие. По выпуклости они делятся на очень слабовыпуклые, слабо- и средневывпуклые (см. *таблицу*). Все днища сосудов средних размеров. По всем величинам указателей изделия соответствуют категориям керамической коллекции могильника Старый Сад (32 экз.) [Селин, 2014, с. 73]. Другое дело, что старосадовский комплекс демонстрирует большую вариативность (хотя это можно объяснить размерами выборки).

При анализе общей пропорциональности сосудов установлено, что емкости № 2, 3 (см. рис. 7, 2, 3) относятся к изделиям «привычных»* форм, № 1, 4, 5 (см. рис. 7, 1, 4, 5) – к сосудам-«подражаниям»** (рис. 16). Важно отметить, что очень близкое сходство (доходящее до тождества по форме и орнаментальной схеме) с «привычными» изделиями из Гришкиной Заимки проявляют сосуды комплекса пахомовской культуры с поселения Алексеевка XXI в низовьях Тары [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997; Корочкова, 2010, рис. 23, 15, 20, 21]. Так, сосуд № 2 из Гришкиной Заимки (см. рис. 7, 2) по форме, орнаментальной схеме и композиции практически аналогичен изделию с поселения Алексеевка XXI [Там же, рис. 23, 21].

Сравнение значений указателей для каждого сосуда памятника Гришкина Заимка (см. *таблицу*) позволило выявить два изделия (см. рис. 7, 4, 5), полностью сходных по всем восьми указателям; все остальные изделия различались как минимум по двум позициям. При сопоставлении полупрофилей сосудов (рис. 17), построенных в одном масштабе, два сосуда-«подражания» по углу отгиба горловины и оформлению плечика были выделены в отдельную группу. Полученные данные в комплексе со значе-

*Посуда характерных для определенной культурной традиции форм.

**Сосуды, форма которых свидетельствует об отходе от традиции.

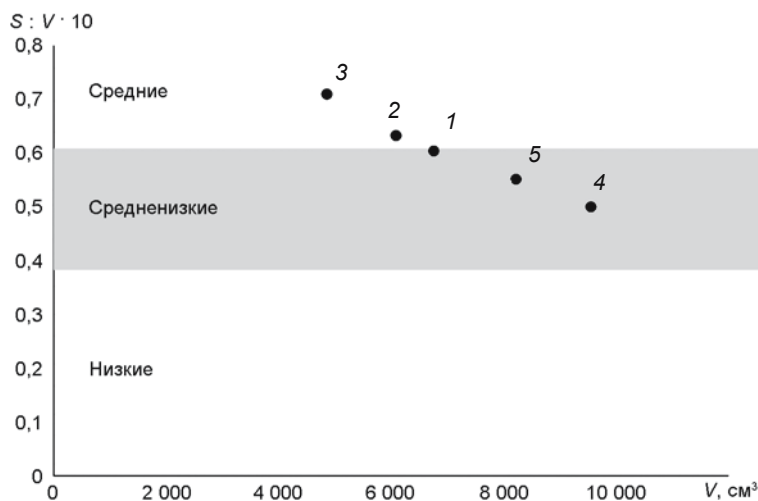

Рис. 16. Классы форм сосудов по общей пропорциональности (нумерацию сосудов см. на рис. 7).

Значения указателей и категории сосудов

№ сосуда	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ
1	0,79	0,23	0,89	0,96	0,6	0,34	0,42	0,63
2	0,85	0,19	0,61	0,71	0,74	0,79	0,62	0,67
3	0,84	0,19	0,92	-0,5	0,67	0,38	0,2	0,59
4	0,66	0,11	0,9	2	0,56	0,6	0,28	0,97
5	0,75	0,17	0,89	1,43	0,59	0,58	0,31	0,6

Примечания. Указатели: ФА – высотности сосуда; ФБ – высоты горловины; ФВ – ширины горловины; ФГ – профилировки горловины; ФД – высотный тулова; ФЕ – высотный плечика сосуда; ФЖ – выпуклости плечика; ФИ – ширина дна сосуда.

Категории: очень низкие □; низкие ▤; средние ▥; высокие ▧; очень высокие ▨.

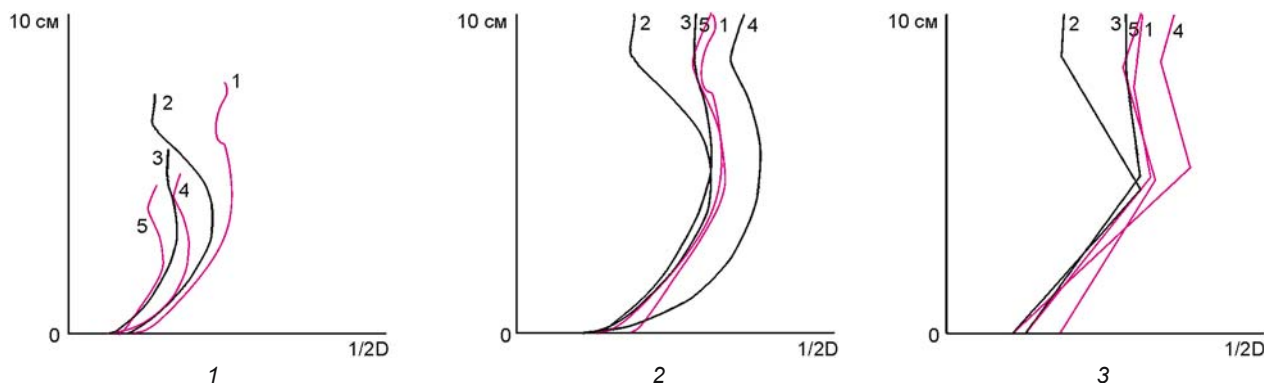

Рис. 17. Корреляция полупрофилей сосудов (нумерация сосудов на рис. 7).

1 – в одном масштабе; 2 – приведенные к высоте 10 см; 3 – полученные путем соединения экстремальных точек и приведенные к высоте 10 см.

ниями, приведенными в таблице, позволяют сделать вывод о близости изделий. С учетом разработок, касающихся историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства [Бобринский, 1978, 1986, 1988; Волкова, 1998, 2010; Цетлин, 2012], можно предпо-

ложить, что оба сосуда были выполнены в рамках одного динамического стереотипа одним мастером. Любопытно, что поразительно близкий аналог сосуда из ямы 31 (см. рис. 7, 5) имеется в материалах погр. № 271 Еловского II могильника [Матюшенко,

2004, с. 232, рис. 341, 2], относимого автором раскопок данного памятника В.И. Матющенко к еловской группе [Там же, с. 13].

Сосуд из рва кург. № 3 (см. рис. 7, 1) по морфологическим характеристикам отличается от двух ранее указанных, но также имеет форму «подражания». Кроме того, все три изделия близки по орнаментальным схемам (мотив – ограниченная с двух сторон полоса, заполненная сеткой из оттисков гребенчатого штампа, – как орнамент, маркирующий хронологическую позицию). Соответственно, эти емкости можно объединить в одну группу.

Сосуды «привычных» форм (см. рис. 7, 2, 3) отличаются от рассмотренных выше сосудов-«подражаний» по морфологии и орнаментике (присутствуют геометрические мотивы, меандры и др.). Следует отметить, что при отрисовке «скелетов» сосудов (см. рис. 17, 3), несмотря на отсутствие общего канона и широкий разброс показателей пропорций тулова сосудов, выявлено сходство придонных частей (практически одинаковые реальные значения диаметра дна и угла отгиба придонной части), которые менее всего подвержены изменениям в ходе смешения гончарных традиций. Это позволяет сделать предположение о единой традиции формообразования изделий. В данной посуде выделяется сосуд из рва кург. № 3; вероятно, изготовивший его мастер был носителем иной традиции.

Бронзовый инвентарь состоит из разнообразных изделий различной степени сохранности. Так, в погр. № 22 находился однолезвийный черенковый нож с намечающимся уступом и обломанной рукоятью (см. рис. 10, 5). Изделия данного типа были широко распространены в Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы, ближайшие их аналоги известны в материалах Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 364, рис. 416, 3], некрополя Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Нескоров, 2011, с. 197] и др.

Бронзовые неорнаментированные бляшки (5 экз.) можно классифицировать по способу крепления (см. рис. 15): с петлей для крепления (2 экз.), с петлей для крепления и продетым сквозь нее шпеньком (1 экз.), без креплений (1 экз.). Подобные изделия получили распространение на обширной территории в эпохи развитой и поздней бронзы. Аналоги имеются в коллекциях Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 13, 15, 16], некрополя Старый Сад [Молодин, Нескоров, 1992, с. 95], а также памятников пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье, в частности, могильника Черноозерье II [Корочкова, 2009, с. 79, рис. 4, 10, 21].

Интерес представляет серьга с длинной разомкнутой петлей, полым раструбом на конце и шаровидным утолщением между дужкой и раструбом (см. рис. 10, 4). Вещи подобного типа были распро-

странены также в эпохи развитой и поздней бронзы, ближайшие аналоги известны в материалах могильников Еловского II [Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 5, 6] и Еловского I [Косарев, 1981, с. 155, рис. 59, 6, 20].

Изделия из кости представлены одним черешковым, треугольным в сечении наконечником стрелы из погр. № 22 (см. рис. 10, 14). Как и бронзовые изделия описанного выше комплекса, наконечники подобного типа были широко распространены в Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы. Аналоги известны в комплексах пахомовской культуры Тоболо-Иртышья [Костомаров, 2010, с. 97], Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 220, рис. 324, 4], поселения Чекист [Косарев, 1981, с. 156, рис. 60, 24] и др. В детских могилах № 33, 35, 36 обнаружены фаланги жеребят, в каждой по одной (см. рис. 10, 12, 13). Подобные предметы также часто встречаются в погребальных комплексах бронзового века на территории Западной Сибири, например, в захоронениях пахомовской и еловской археологических культур.

Заключение

Рассмотренные комплексы эпохи поздней бронзы некрополя Гришкина Заимка по совокупности элементов погребального обряда и характеристике инвентаря можно отнести к восточному варианту пахомовской культуры и по аналогии с материалами из Тоболо-Иртышья атрибутировать XIV–XII вв. до н.э. или XIV–XI вв. до н.э. [Корочкова, 2010]. Поскольку могильник Старый Сад и культовый комплекс Тартас-1 датируются переходным периодом от бронзового к железному веку, есть основание предположить, что в восточной части Прииртышья пахомовская культура существовала до этого времени. Памятник Гришкина Заимка, принадлежавший группе населения, мигрировавшей в Барабинскую лесостепь с запада, может быть датирован периодом не ранее XIII в. до н.э., но и не позднее X в. до н.э., во второй половине которого материальная культура пахомовского населения приобрела черты, характерные для переходного времени от эпохи бронзы к железному веку (т.е. вторая половина X – VIII в. до н.э., ориентируясь на серию калиброванных дат, полученных для городища Чича-1 [Молодин, Парцингер, 2009]).

Принадлежность изготовленных, вероятно одним мастером, двух сосудов к разным комплексам (яма 31 и кург. № 4) может свидетельствовать о связи и относительной одновременности последних. Проявления различных традиций морфообразования придонной части отражают либо их смешение, либо динамику гончарства. Если верно первое предположение, то можно говорить о сосуществовании представителей двух гончарных традиций в рамках одного коллектива,

а если второе, то отмеченное разнообразие является хронологическим показателем.

Таким образом, рассмотренные погребальные комплексы могильника Гришкина Заимка маркируют собой начальный этап проникновения в Барабинскую лесостепь представителей восточного варианта пахомовской культуры и начало смешения с автохтонными культурными группами.

Список литературы

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – 233 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. ун-та, 1986. – С. 137–157.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. ун-та, 1988. – С. 5–21.

Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. – М.: Старый Сад, 1998. – 260 с.

Волкова Е.В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. – М.: ИА РАН, 2010. – 248 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 75–84.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Уралюриздат, 2010. – 103 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 168 с.

Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестн. Тюм. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 15–25.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2-я: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – 468 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 202 с.

Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи поздней бронзы к железному веку. XIV–VIII вв. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 54–64.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нескоров А.В. Завершение исследований могильника Старый Сад эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 195–199.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы на могильнике Старый Сад // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3. – С. 29–45.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: мат-лы конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–96.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Старый Тартас-4 (Новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Молодин В.И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 51–77.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромашенко А.Г. Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 62–70.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

Мыльникова Л.Н. Изучение форм древних керамических сосудов: теоретический и практический аспекты // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 31–43.

Селин Д.В. Морфологический анализ сосудов эпохи поздней бронзы могильника Старый Сад // Мат-лы 52-й Междунар. науч. студ. конф.: Археология. – Новосибирск, 2014. – С. 73–74.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1997. – С. 162–191.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Nordström H.A. Cultural Ecology and ceramic technology. – Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1972. – 200 p.

V.I. Molodin¹⁻³, L.N. Mylnikova¹⁻³, Yu.N. Garkusha¹, D.V. Selin^{2,3}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Pr. Akademika Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; L.mylnikova@yandex.ru; yunga1971@ngs.ru

²Novosibirsk State University

Pirogova St., 2, Novosibirsk, 630090, Russia

³Altai State University

Lenina St., 61, Barnaul, 656049, Russia

E-mail: selin@epage.ru

THE LATE BRONZE AGE BURIAL COMPLEXES OF EASTERN VARIANT IN PAKHOMOVO CULTURE (GRISHKINA ZAIMKA SITE, BARABA)

This work presents the research results of the Late Bronze Age burials and artifacts from the Grishkina Zaimka burial ground (Western Siberia). There is their cultural and chronological attribution is given as Eastern variant of Pakhomovo culture. It is determined according to morphological analysis of vessels that bearers of two potters tradition coexisted within one region. As was established matter in the complex in question marks the initial stage of the Pakhomovo population insinuation to the Barabinsk forest-steppe and the beginning of its alligation with the autochthonous cultural groups.

Keywords: archaeology, burial rite, Eastern variant of Pakhomovo culture, Late Bronze Age, cultural intercommunion, morphological analysis of ceramic vessels, Barabinsk forest-steppe.